

Социология права Г. Д. Гурвича

Михаил Майор, к.ф.н., доцент;
Александр Пиджаков, д.ю.н., д.и.н., профессор,
Университет гражданской авиации

В статье проведен историко-биографический анализ становления социологических и правовых взглядов Георгия Давидовича Гурвича (1894-1965) - автора общесоциологической концепции - т. н. диалектического гиперэмпиризма - конкретного многоуровневого анализа непрерывно меняющейся социальной реальности. Такой системы коллективной человеческой деятельности, различные "уровни" которой находятся в динамической взаимосвязи с разными формами коллективности: "Макро"- (глобальные общества, социальные группы, классы) и "Микро"- (общности, общины). Несомненный интерес вызывают правовые взгляды Г.Д.Гурвича - его идеи социологии права и интегрального понимания права.

Ключевые слова: Философия и социология права, предмет социологии, микро и макросоциология, интегральное понимание права, социология права.

Георгий Давидович Гурвич относится к тем социальным мыслителям, которых мало знают на Родине, но считают классиками за ее пределами. В России недавно издан том избранных сочинений Г. Д. Гурвича, подготовленный на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ¹. Последнее обстоятельство не случайно. Именно на этой кафедре (тогда она называлась кафедрой философии и энциклопедии права) под руководством Л. И. Петражицкого молодой Г. Д. Гурвич в 1917 г. становится приват-доцентом и читает лекции на юридическом факультете Петроградского университета. Тогда же он знакомится с другими блестящими воспитанниками Санкт-Петербургского университета и учениками Л. И. Петражицкого - С. И. Гессеном, П. А. Сорокиным, Н. С. Тимашевым, дружбу с которыми он поддерживает всю оставшуюся жизнь². Таким образом, по своим "корням" философия и социология права Г. Д. Гурвича относятся к петербургской школе философии права. Судьба распорядилась таким образом, что после защиты докторской диссертации "Руссо и Декларация права" ученый был вынужден покинуть в 1920 г. Советскую Россию и провести оставшуюся часть жизни в Германии, Чехии и Франции³.

Он едет в Прагу, где преподает на юридическом факультете Русского свободного университета, деканом которого был известный социолог-юрист П. Новгородцев. В начале 1920-х годов на факультете плодотворно сотрудничали П. Сорокин, П. Струве, И. Лапшин и другие русские ученые. В 1923 г. пути друзей на время расходятся: Сорокин покидает Старый свет, а Гурвич после непродолжительного пребывания в Германии в 1925 г. перебирается во Францию. Затем на протяжении всей жизни Гурвич поддерживал тесные научные и человеческие контакты со своими коллегами-соотечественниками Сорокиным и Тимашевым, которые внесли значительный вклад в мировую социологию. Личная переписка этих людей вызывает огромный научный интерес⁴. В 1929 г. Гурвич принимает французское гражданство, а в 1932 г. защищает в Сорбонне докторскую диссертацию по философии.

Если говорить о философских корнях его мировоззрения, то достаточно легко обнаруживается влияние немецких мыслителей - Фихте, Маркса, Гартмана, Гуссерля, Шелера, Ласка. Но ни к одному из них он не примкнул в качестве догматического ученика: заимствуя разные идеи, он старался их комбинировать. Современная немецкая философия составила содержание факультативных курсов, которые Гурвич, по совету друзей и коллег, стал читать в Сорбонне на рубеже 20-30-х годов. Среди его слушателей были будущие властители умов: Ж.-П. Сартр и Ж. Лакан. В 1935 г. Гурвич получает место профессора университета Бордо, где начинал свою преподавательскую деятельность Э. Дюркгейм и где в 1896 г. он организовал первую во Франции кафедру социологии (точнее, кафе-

дру "социальной науки"). Но Гурвич, академическая слава которого быстро ширилась, долго не задержался на этом почетном для французской социологии месте. В 1936 г. ему был предложен пост руководителя программы по социологии в Страсбургском университете, и он с энтузиазмом приступил к выполнению учебных программ. В эти же годы Гурвич организует, редактирует и публикует периодические издания, которые высоко ценятся специалистами: журнал "Архив философии права и юридической социологии" (1931-1940) и ежегодник "Анналы Международного института юридической социологии" (1932-1940).

В годы Второй мировой войны Гурвич как гражданин Франции идет на фронт (линия Мажино), а после капитуляции Франции по приглашению нью-йоркской "Новой школы социальных исследований" срочно уезжает в США, где получает должность профессора, а также возможность принимать активное участие в формировании европейской политики Соединенных Штатов. Благодаря тому, что Гурвич был лично знаком с семьей президента Рузвельта, его советы о наиболее разумной политике в отношении Восточной Европы внимательно принимались к сведению. Американская деятельность Гурвича оказалась "вишистским" властям Франции достаточным поводом для лишения его гражданства, которое он вновь получил лишь по окончании войны.

Во время своего пятилетнего пребывания в США он возвращается к любимой издательской деятельности и начинает руководить "Журналом правовой и политической социологии", а также, благодаря помощи П. Сорокина, получает возможность в качестве приглашенного профессора читать лекции на факультете социологии Гарвардского университета, деканом которого Сорокин был в эти годы. В 1945 г. Гурвич возвращается в Страсбургский университет и вскоре начинает издавать журнал "Международные тетради по социологии", быстро ставший, как отмечал Сорокин, одним из наиболее важных социологических журналов XX в.⁵ Вишистское правительство во время немецкой оккупации уничтожило "Центр социальной документации Высшей нормальной школы", и в 1946 г. в Париже, по инициативе Гурвича, был создан "Центр социологических исследований", который взял на себя руководство рядом исследований, собрал блестящую социологическую библиотеку, составил библиографию по социологии и провел ряд симпозиумов, материалы которых позднее публиковались в специальных сборниках. В частности, Гурвич составил и отредактировал очень актуальный для того времени сборник "Индустриализация и технократия" (1949), который стимулировал развитие во Франции новейших управленческих концепций.

К 1949 г., когда Гурвич был приглашен в Сорбонну на место, которое когда-то занимал Дюркгейм, а именно - декана социологического факультета, он был уже всемирно известным ученым.

¹ Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. Соч. /Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной; науч. ред. А. В. Поляков. СПб., 2004.

² Антонов М. В. Мир права Г. Д. Гурвича //Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. СПб., 2004. С. 11.

³ Правоведение. 2005. № 4. С. 131-132.

⁴ Обширные материалы переписки хранятся в архиве П. Сорокина в библиотеке Саскачеванского университета и Гарвардском архиве: Harvard University Archives, Records of the Sociology Department 1930-1944.

⁵ Sorokin P. A. Gurvitch's Empirico-Realist Dialectic Sociology //Sociological Theories of Today. N.Y.; Harper and Row Publishers, 1966. P. 465.

Корпус его теорий и методологий был уже опубликован, но он использовал любую интересную проблему для развития своей исследовательской позиции, продолжая радовать читателей своего таланта новыми публикациями, дополненными и углубленными переизданиями старых работ⁶.

В разгар холодной войны Гурвич, как и Сорокин, выступал за мирное сосуществование двух блоков, на это же была направлена и его антиколониальная позиция, ибо колониализм он определил как предельно архаичный институт, не соответствующий правосознанию современного мира. В 1950-е годы он основал "Ассоциацию франкоязычных социологов", в которую вошли ученые Бельгии, Швейцарии, Туниса, Египта, Алжира, Канады, Мали, Вьетнама и США.

Начался распад мировой колониальной системы, французские колонии начали борьбу за независимость, и Гурвич смело вступил в ряды интеллектуалов, публично поддерживающих политико-экономические требования этих стран. Ответ реакции не заставил себя долго ждать. В 1962 г. в результате взрыва бомбы, брошенной правыми террористами в его квартиру, Гурвич перенес острый сердечный приступ, от затяжной динамики и повторений которого через три года он скончался. Научный мир Франции и русско-зарубежья оделся в траур.

Глубинные правовые представления этого мыслителя сформировались именно в России и под влиянием российских ученых. Это отнюдь не исключает признания того, что на творчество Г. Д. Гурвича оказывали влияние и западные школы. Особенно сильным было влияние немецкой (Фихте, Гирке, феноменологии и др.) и французской (Прудон, Бергсон, институционализм и др.) политико-правовой мысли.

Главная задача социологической науки — изучать социальные "микроотношения" между людьми

Как и Сорокин, Гурвич постоянно подчеркивал необходимость тесной междисциплинарной кооперации между социологией, историей и социальной психологией. Предмет социологии составляют феномены *suí generis*, не сводимые ни к физическим, ни к химическим, ни к биологическим, ни к психологическим явлениям. Задачей социологии, по глубокому убеждению Гурвича, является объяснение главных атрибутов этих феноменов, скажем, их корреляции друг с другом (они могут быть структурированными и неструктурированными, обладать способностью к структурированию и принципиально ею не обладать), их многомерности и принадлежности к разноглубинным уровням социального бытия и т.п. Все эти атрибуты могут находиться в согласии друг с другом, но могут пребывать в противоречиях, конфликтах, борьбе. Для изучения этих аспектов социология использует различные полезные, но не равноценные в своих объяснительных возможностях процедуры: количественные и качественные методы (например, методы дискретной типологии) в сочетании с методом, гносеологически наиболее мощным - диалектическим. Переход от одной классификации социальных феноменов к другой имеет тенденцию непрерывной перестройки систем социального знания и, таким образом, постоянного углубления проблем. Это и есть "гиперэмпирическая диалектика": "эмпирическая", так как предполагает опору на методологически выверенные факты, "гипер", так как рассчитывает на их максимальный охват, и "диалектика", так как процессы в социальной онтологии и их отражение в социальной гносеологии взаимосвязаны и подобны, хотя субъективная диалектика в силу относительности человеческого познания уступает богатству объективной диалектики⁷.

Если теперь саму социологию, продолжал Гурвич, рассматривать как особый "социальный феномен", то ее структурно следует разделить на две принципиальные разновидности со своими задачами, сюжетами, аппаратом и даже методами исследования - на микро- и макросоциологию. Интересно, что все отечественные авторы (иногда весьма серьезные исследователи - Г. Андреева, М. Бахитов, В. Ольшанский), упоминавшие в первом томе "Философской энциклопедии" (1960) социологию Гурвича, сводили ее только к одной ее части - микросоциологии, упуская ее более оригинальную сторону - макросоциологию. Так, М. Бахитов в энциклопедической справке о Гурвиче опрометчиво указывал, что основной задачей его социологии является исследование "микроотношений"⁸. Между тем у Гурвича все было значительно сложнее. Во

всяком случае, против его "методологического деления социологии на два вида, - как писал Н. Тимашев, - выступили многие социологи, включая неопозитивистов и таких функционалистов, как Мертон", который указывал, что социальная логика едина и может использоваться при изучении самых разнообразных социальных феноменов⁹.

Дисциплина, которую Гурвич называл микросоциологией, должна, по его замыслу, изучать простейшие и лежащие на поверхности проявления социальной реальности, так называемую "социальность", т.е. формы непосредственных межличностных взаимодействий и общений ("отношения к другому", отношения между "я", "он", "она", "они") и некие, созданные идентификацией в ходе этого общения конкретные социальные единства - "мы" и близкие в смысловом отношении к ним - "наш" ("мы - соседи", "мы - одноклассники", "мы - любители рыбной ловли", "наш профсоюз", "наша кафедра" и т.п.).

Микросоциологический тип социальной реальности довольно плюралистичен: он основан на восьми критериях (формальный или неформальный характер общения, вид функционирования, построенного на симпатии, солидарности или антагонизмах, его происхождение - добровольное слияние или принудительное объединение и т.п.).

Микросоциология фиксирует все формы "социальности" в горизонтальном измерении¹⁰. Важнейшей предпосылкой, продвигущей появление этих спонтанных форм "социальности", выступает совпадение интересов и взглядов на какие-то определенные события, явления и процессы. Обе спонтанные формы "социальности" ("отношение к другому" и "мы") включаются в качестве элементов в состав многих групп, общностей и социальных структур с многовариантной интенсивностью и глубиной. Конкретных форм "мы" великое множество, но три главных ее образования уже давно обнаружены и изучаются социальными исследователями. Наименее интенсивное, пассивно-вынужденное и механическое состояние "мы" дают нам "массы" (более всего повезло с социологическим изучением "толпе"); среднее состояние интенсивности контактов и их самоосознания, частично добровольное и частично принудительное общение дают нам "общину" (историческая и социологическая литература, посвященная этой форме, просто огромна); высшую форму интенсивности, добровольности и ее осознаваемости демонстрируют "коммунити". Три эти формы "мы", по Гурвичу, могут быть монофункциональными, полифункциональными и суперфункциональными. Так, например, многие "мы", существующие в спортивных командах, профсоюзах и т.д., являются монофункциональными, так как связаны с определенным характером деятельности или задачей, соответствующей определенной категории ценностей и подчиненной достижению определенной цели. В противоположность этому типу "мы", существующие в рамках одного города ("мы - петербуржцы"), политического движения ("мы - правые, левые") или экономической сферы ("мы - производители и потребители продукции русской экономики") могут быть определены как полифункциональные, поскольку каждый из них связан с различными ролями деятельности и задачами, соответствующими различным ценностям представлениям и находящими свое выражение в различных целеполаганиях.

Суперфункциональные активные формы "мы" реализуются на уровне общественных классов и наций, интернациональных сообществ. Главное их отличие от предыдущих форм состоит в том, что они заняты не решением нескольких более или менее четко обозначенных проблем, а вынуждены иметь дело с "закрывтой тотальностью" задач, различные аспекты и особенности которых нерасчленимы и связаны с различными ценностными областями. Примеры таких форм: "мы - пролетарии всего мира", "мы - североамериканские негры", "мы - механическая коллекция номеров из романа Е. Замятина "Мы").

Всю вторую половину XIX и первую половину XX в. социологи с попеременным успехом соревновались в освещении этих исследовательских полей с социальными психологами. Основательно всех критиковавший Гурвич высоко оценивал вклад двух социологов из этой плеяды: "социологию отношений" и классификаторский подход Л. фон Визе и социометрию Дж. Морено, посвятив последний в 1947 г. специальную статью, в которой сопоставил свою микросоциологию и социометрию¹¹.

Второй, более обширный и более оригинальный раздел общей социологии Гурвича занимала его макросоциология, обла-

⁶ Gurvitch G. La vocation actuelle de la Sociologie. Paris, 1950

⁷ Gurvitch G. L'Hyperempirisme dialectique: Ses applications en Sociologie // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1953. Vol. 15. P. 3-33.

⁸ Бахитов М. Гурвич Г. Д. // Философская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1960. С. 419.

⁹ Timasheff N. S. Sociological Theory: Its Nature and Growth. N. Y.: Random House, 1965. P. 269.

¹⁰ Gurvitch G. Essai d'une classification pluraliste des formes de sociabilité // Année Sociologique. 1938. P. 1-48.

давшая другим онтологическим полем исследования и оперировавшая иными категориями, нежели микросоциология. Прежде всего, она призвана исследовать вертикальное измерение социального бытия, т.е. разноглубинные уровни и сектора тотальной социальной реальности в ее "структуропособных и структурированных ансамблях: группах, классах и глобальных обществах". Гурвич неистово изобретал причудливые классификации этих ансамблей и уровней их обнаружения в социальной онтологии. Прежде всего, он на основании чисто феноменологического критерия приступил к выделению десяти уровней "глубины социальной реальности", начиная с явлений повседневности, легко обнаруживаемых органами чувств, и заканчивая наиболее скрытыми и трудно уловимыми умственно-интуитивными явлениями. Есть резон перечислить эти уровни, поскольку здесь Гурвич как весьма значимую указывал проблему разнокачественности (функциональной, генетической, структурной и т.п.) социального бытия в целом. В чисто эмпирических (количественных) исследованиях эти аспекты часто перепутаны, что приводит к низкому познавательному эффекту исследований.

Первый уровень социальной реальности, по мысли Гурвича, включает в себя самые разнообразные явления: географическую среду обитания; антропологические и демографические композиции населения (пол, возраст, расы, масштабы рождения и смертности, продолжительность жизни); миграции (деревня - город и обратно, район - район, страна - страна); материальную культуру социума (дороги, постройки, каналы, орудия и продукты производства и т.п.).

Второй уровень, более сложный с социологической точки зрения, представляет собой организованные, централизованные и иерархизированные образцы коллективного поведения, составляющие своеобразную систему "заветов предков" нынешним поколениям, т.е. наследие прошлых культур.

В противоположность второму третий уровень социальной реальности включает в себя модели, правила, нормы индивидуального и коллективного поведения, являющиеся продуктами современной культуры и производителями будущей.

Четвертый уровень составляют внешние по отношению к третьему уровню стандартизованные формы коллективного поведения.

Пятый уровень социальной реальности представляет собой клубок социальных ролей - играемых, интерпретируемых, обсуждаемых и ожидаемых как индивидуально, так и коллективно.

Социальные установки и стереотипы составляют шестой уровень человеческого бытия. Особенностью его элементов является то, что люди повинуются им почти автоматически, даже временами слепо, не понимая подлинной сущности большинства стереотипов. Такова социально-гносеологическая природа многих предубеждений, массовых суеверий, утопий, идеологических "аксиом". Благодаря блестящим работам У. Липпмана это мнение широко распространилось в социологических кругах.

Седьмой уровень, по Гурвичу, составляют "социальные символы", которые служат посредниками между объективным содержанием того, что они символизируют, и групповыми и индивидуальными агентами, которые создают их и которым они адресованы.

Восьмой уровень бытия составляют инновационные, революционные, творческие акции ("идеи - поведение"), борющиеся против кристаллизованных, застывших форм поведения, конформистских коллективных установок и символов. Значение этого уровня, как по его количественным параметрам, так и по исторической значимости, значительно больше, чем обычно себе представляют. Отношение этого уровня с третьим и четвертым уровнями напоминает то, что Г. Тард называл "изобретением и подражанием".

Коллективные идеи и ценности создают девятый уровень. За всем многообразием коллективных действий и установок, за всеми формами социальных организаций, ролями и символами предполагается мир ценностей, объективизирующий и экстернализирующий все предыдущие уровни социальной реальности. Он менее наблюдаем, чем они. В описании мира ценностей (почти платоновского мира идей) Гурвич очень близко подходит к учению об "идеальном бытии" Э. Ласка.

Последний, десятый уровень имеет дело с родовой духовностью как таковой, с коллективной ментальностью. Отчасти это напоминает учение о "коллективных представлениях" Э. Дюркгейма.

Психологическая жизнь, в меньшей (как на первом уровне) или большей степени (седьмой, восьмой и девятый уровни), присутствует на всех уровнях социальной реальности и является фактором интеграции каждого уровня. Но она существует и в более самостоятельном, чистом виде в качестве познавательных процессов. Следует различать индивидуальную, межперсональную и групповую ментальности. Этот уровень социальной реальности наиболее скрыт и труден для научного познания. Духовность можно охватить и сколько - нибудь адекватно изучить только через диалектику. Каждый уровень реальности в разной степени взаимодействует с другими уровнями и даже частично пропитан ими, ибо "тотальная социальная реальность" едина. Но, будучи различными, они могут в то же время находиться в противоречиях, антагонизмах и конфликтах друг с другом, играющих важную роль в общественной жизни.

Интегральное понимание права

Гурвич был одним из тех мыслителей нового поколения, которые ясно понимали, что прежние, классические подходы к правопониманию во многом себя исчерпали¹². В начале XX в. фактически был открыт новый мир - мир "социального", как некая всепроникающая система символически опосредуемых взаимодействий¹³, и право уже нельзя было сводить ни к рационалистическим естественным правам, не имеющим реальной правовой "плоти", ни к нормативным приказам государства, имеющим "плоть" без духа. Стало невозможно трактовать право как то, что якобы существует вне субъектов социального взаимодействия. И Б. Н. Чичерин, и В. С. Соловьев (а также П. И. Новгородцев и Е. Н. Трубецкой) видят право, прежде всего, через призму отношений между субъектами.

Используя современную терминологию, можно сказать, что речь шла о правовой коммуникации как отправной точке права и правовой теории, хотя эта идея во всей полноте в то время не могла быть сформулирована.

Такой подход открывал новые возможности видения права. Право оказывалось неразрывно связанным с внутренним миром человека, миром его ценностей (в раскрытии этого аспекта правопонимания велика заслуга Л. И. Петражицкого, хотя он и не оперировал понятием "ценности"). Но оно также нуждалось в объективации и в социальной гарантированности своих претензий на управление его поведением. Это предполагало отказ как от индивидуалистических правовых построений классической естественно-правовой школы, так и от социолого-этистического растворения личности в обществе и государстве. Такой подход неминуемо вел к неприятию позитивизма во всех видах, в том числе правового этицизма. Гурвич, как Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, Ф. В. Тарановский, Е. Н. Трубецкой и др., выступил против "государственной теории" права, противопоставив ей теорию социального права, которую в окончательном виде он сформулирует в своей докторской диссертации "Идея социального права"¹⁴.

Но это не означало отказ от некоторых основополагающих идей юснатурализма и реализма. Право, действительно, должно иметь жизненную силу, но эта жизненная сила может возникать только в рамках этоса и вырабатываемых им ценностей. Таким образом, требовалось обосновать интегральное, синтезированное правопонимание. Именно эту задачу и пытался решить Гурвич на протяжении его долгой творческой жизни, создав своеобразный вариант интегрального понимания права¹⁵.

По Г.Д. Гурвичу главная задача социологической науки заключается в том, чтобы изучать социальные "микротношения" между людьми, связывающие их в разномасштабные "макрогруппы". Смыслы этих отношений определяются действием трех ведущих принципов - фатализма, детерминизма и свободы. Но если существование фатума проблематично, то наличие свободы несомненно. Общество не допускает того, чтобы свобода была абсолютна.

Действие разнообразных социальных причин налагает на нее свои печати, ограничивает ее с разных сторон и сообщает действиям каждого конкретного человека в каждой отдельной ситуации особый характер. Поэтому социология должна, в первую очередь,

¹¹ Gurvitch G. *Microsociologie et sociometrie* // Cahiers Internationaux de Sociologie. 1947. Vol. 3. P. 24-67.

¹² О различии классического и постклассического правопонимания см.: Поляков А. В., Тимошина Е. В. *Общая теория права*. Учебник. СПб., 2005. С. 38-58.

¹³ См.: Правоведение. 2005. № 4. С. 134.

¹⁴ Гурвич Г. Д. *Философия и социология права*. С. 41-192.

¹⁵ Об интегративном и интегральном правопонимании см., напр.: Графский В. Г. *История политических и правовых учений*. Учебник. М., 2005. С. 553-559 (глава "Интегральная юриспруденция"); Поляков А. В. *Общая теория права*. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 106-116.

исследовать эти конкретные "микрорисунки", "микросхемы" социального поведения людей и выявлять на их основе наиболее типичные модели. Из совокупностей этих типовых форм складываются общие картины социальной реальности.

Гурвич, как Сорокин и Тимашев, испытал сильное влияние своего университетского преподавателя профессора Л. Петражицкого. Вслед за учителем он определял право как попытку реализовать в каком-то данном социальном контексте идею правосудия и справедливости через многостороннюю "атрибутивно-императивную" регуляцию, которая не обязательно связана только с внешним принуждением, как обычно думают. Социология права, согласно этой трактовке, должна была состоять: 1) из систематической части, изучающей проявление права или "правовые манифестации" как функцию форм "социальности"; 2) из дифференциальной части, изучающей проявление права как функции реальных коллективных единиц - групп, классов и социальных структур; 3) из генетической части, изучающей закономерности возникновения и изменения, развития и упадка права в различных конкретных типах "глобального общества".

В первой "систематической части" Гурвич проводит различие между тремя типами права - "социальным правом", которое является орудием объединения масс, общин, коммун и организаций, "индивидуальным правом", базирующимся на межличностных отношениях (кооперация - антагонизмы), и так называемым "подчиненным или субординационным правом", которое характерно для недемократических режимов и является искаженной редукцией гетерогенной системы "индивидуального права". Все три типа и их многочисленные конкретные виды взаимодействуют, диалектически перетекают друг в друга и создают динамичный правовой ландшафт, состоящий из 162-х видов права. Приведем только один пример.

Патерналистское правление внутренней организацией мануфактуры или капиталистической фабрики является для Гурвича искажением "социального права", которое имманентно присуще "целому" фабрике как социальному институту. Такое правление собственника базируется на "индивидуальном праве", являющемся дериватом межличностных отношений владельца фабрики и остальных работников. Возможностью существования "социального права" вообще он считал наличие различных общественных интересов, т.е., в конечном счете, различных социальных групп. Плюрализм и вызванные им институты не могут быть поняты вне рамок "социального права"¹⁶.

Только в рамках "социального права" можно эффективно решить актуальнейшую проблему капитализма - проблему баланса власти между государством и различными экономическими группировками. Это, по его мнению, возможно как раз благодаря наличию трансперсональной категории "мы". В этом трансперсонализме Гурвич видит своеобразный синтез юридического индивидуализма, отрицающего существование реальности норм, правовых обязанностей и универсализма, на нем настаивающего.

В "дифференциальной части" своей социологии права Гурвич утверждал, что каждая активная социальная группа (в зависимости от времени существования и степени функциональности) всегда заявляет о себе как о нормативном образовании, формирует собственную юридическую регуляцию и практику, юридические традиции. В зависимости от лидирующих групповых интересов Гурвич выделял хозяйственные, политические, культурные и даже философские ("мистико-экстатические") правовые системы. Настаивал он и на иерархии этих систем. Так, федеративное право, согласно его предположению, выше регионально-этнического, а международный юридический порядок должен господствовать над национальными порядками, что, впрочем, как отмечал Тимашев, не особенно подтверждается историческими фактами нашего времени¹⁷.

Третья, "генетическая часть" состояла из короткого реферативного обзора юридических порядков "глобальных обществ" и имела не столько социологическое, сколько историческое значение. Признавая достижения немецкой школы социологии права и, в частности, ее главы М. Вебера, Гурвич указывает на недостаток методологии последнего, состоящий в редукции им социальных фено-

менов исключительно к видам поведения и индивидуальным смыслам, когда в стороне остаются некоторые важные элементы социальной действительности, а именно, ее морфологическая база и "коллективная психическая жизнь"¹⁸. При этом он подверг сомнению тезис дюркгеймовской школы о детерминации коллективным сознанием форм первобытных групп и социальных структур¹⁹.

Все вопросы о социальных структурах различного типа и их правового обеспечения Гурвич постоянно связывал с изучением возможных размеров и реальных возможностей человеческой свободы, практикуемых в них. Интерес этот возник у него в пражский период эмиграции в начале 20-х годов. Далее он реализовал его в серии публикаций "Социальный детерминизм и свободный арбитраж" (1938), "Ступени человеческой свободы" (1951) и в обобщающем, выдающемся сочинении "Социальный детерминизм и человеческая свобода" (1955).

Социология права - это составная часть общей социологии человеческого духа. Ее интересуют правовые реалии, пронизывающие практическую и духовную жизнь людей, и то, каковы их взаимовлияния. Г.Д. Гурвич выделяет следующие основные разделы социологии права: систематическую социологию права (исследует функциональные связи между социумом и правом); 2) генетическую социологию права (изучает содержащиеся в правовых системах нормативные тенденции. Право - это позитивный порядок, реализующий принцип справедливости в конкретной социальной среде путем создания и применения совокупности многосторонних императивов и конвенций).

Значительное место в работах Г.Д. Гурвича занимала конфликтологическая проблематика. Он считал конфликты неустранимым атрибутом социальной жизни людей. Социум способен генерировать и аккумулировать деструктивную энергию конфликтов, давать ей накапливаться до критической степени, а затем быть свидетелем и жертвой разрушительных вспышек и взрывов.

Социальные системы находятся лишь на подступах к пониманию природы конфликтов и еще очень далеки от владения искусством их блокирования или нейтрализации. Те процессы, которые помимо воли людей происходят в современном обществе и делают его все более бюрократизированным и технократическим, лишь усугубляют состояние дел, повышают степень конфликтности социальных отношений. Единственное, что может хоть как-то сгладить ощущение безысходности, это надежда, что развитие всех форм плюрализма, от философского и политического, проникновение во все социальные сферы принципа толерантности сделают общественную жизнь достаточно сносной²⁰.

Вопрос о соотношении сущего и должного в 1920-х годах стал одним из основных вопросов философии права. Признавая, что право по своей сути относится к сфере должного, представители постклассической теории считали, что оно тем не менее укоренено и в сфере сущего: для объяснения феномена права необходимо связать правовые нормы с порождающими их социальными фактами²¹. И в этом контексте оказалось, что русская философско-правовая мысль со свойственным для нее онтологизмом и универсализмом оказалась способной отвечать на эти вопросы. Г. Д. Гурвич и здесь выступал продолжателем дела В. С. Соловьева.

Совершенно не случайно ученый интегрировал в свою социолого-правовую теорию ряд принципов и идей философии В. С. Соловьева, прежде всего неразрывность связи права и ценностей, изначальное единство бытия и познания; творчески переосмыслил в своих трудах такие основополагающие концепты философии Соловьева, как соборность и всеединство. Уже Б. П. Выше-славцев отмечал, что своей концепцией социального права Гурвич вводит в европейскую научную традицию идеи соборности и всеединства²². Это, однако, не мешало ему признать, что система Соловьева представляет собой "глубочайшее развитие метафизики христианства"²³. Вообще вопрос о религиозных взглядах Г. Д. Гурвича представляет особый интерес, и излагаемые им в статье "Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев"²⁴ идеи заставляют переосмыслить восприятие Гурвича как чисто академического мыслителя, чуждого проблемам религиозной философии.

¹⁶ Timasheff N. S. *Philosophy of Social Law* // Thought. 1942. Vol. 17. № 67. P. 214.

¹⁷ Timasheff N. S. *Philosophy of Social Law* // Thought. 1942. Vol. 17. № 67. P. 709-722.

¹⁸ Gurvitch G. *Rechtssoziologie* // Die Lehre von der Gesellschaft / Hrsg. G. Eisermann. Stuttgart, 1958. P. 217.

¹⁹ Gurvitch G. *Essais de Sociologie*. Paris: Sirey, 1938, passim.

²⁰ См. подробнее: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993; Бачинин В.А. История философии и социологии права. СПб., 2001.

²¹ См.: Правоведение. 2005. № 4. С. 136.

²² См.: Путь. 1934. № 43. С. 80-81.

²³ Цит. по: Правоведение. 2005. № 4. С. 136-137.

²⁴ См. текст: Там же. С. 138-164.